

811-01
80-8

Послещи
Дѣха Твое
го, и сози
ждѣтся, и
обновиши
лицѣ земли.
Пѣ: рг. а.

ДУШЕПОРАЗНОЕ

ЧТЕНІЕ

Не ѿхлѣбѣ ели
номъ живѣ
бѣдѣ чело
вѣкъ, но ѿ
бсѣкомъ гла
голъ, исхода
щемъ изъ оуб
бѣихъ. Мѣдѣ

годъ сорокъ четвертый.

1903.

СЕНТЯБРЬ.

изданіе журнала 9-12

ДУШЕПОРАЗНОЕ ЧТЕНІЕ

будетъ продолжаться въ
1904 году на прежнихъ
основаніяхъ.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

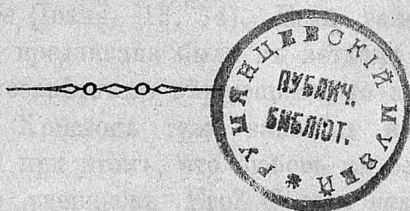
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

1903.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1903.

НОВОПРОСЛАВЛЯЕМЫЙ УГОДНИКЪ БОЖІЙ ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ и назидательные уроки изъ его житія духовному юношеству*)

6. Итакъ, вотъ какой высокой ступени нравственнаго совершенства достигъ о. Серафимъ, въ особенности же — въ послѣдніе годы своей подвижнической жизни; но было бы совершенно ошибочно думать, что это нравственное совершенство, это владычество надъ всей природою получено было блаженнымъ старцемъ безъ всякихъ усилій съ его стороны, — совершенно напротивъ: именно въ его-то жизни мы и видимъ разительное доказательство той великой евангельской истины, что все хорошее въ человѣкѣ, а, тѣмъ болѣе, — царство Божіе — «нудится», завоевывается, берется путемъ неимоверныхъ усилій и что только «нужды восхищаютъ е!» Намъ нѣтъ нужды повторять объ удивительныхъ подвигахъ и неимоверныхъ трудахъ преподобнаго: достаточно лишь припомнить его тысячедневное молитвенное стояніе на огромномъ гранитномъ камнѣ, чтобы преклониться предъ безпримѣрной силой воли и поразительной энергіей о. Серафима. Вотъ великое назиданіе и вмѣстѣ — горькій укоръ нашимъ слабымъ и безхарактернымъ поколѣніямъ, для которыхъ болѣзненная дряблость воли оказывается обычнымъ, роковымъ недугомъ! Какими жалкими, ничтожными пигмеями предста-

*) Окончаніе. См. августовскую кн. *Дух. Чт.* 1903 г.

вляются современные интеллигенты, безсильные, безвольные, вѣчно сомнѣвающіеся, во всемъ извѣрившіеся, — въ сравненіи съ этимъ гигантомъ, этимъ богатыремъ духа! Съ какой плачевной очевидностью выступаетъ теперь предъ нами болѣзнь нынѣшняго вѣка — безвѣріе и безволіе, нравственное безсиліе, неспособность задумать что-либо доброе и, въ особенности, привести задуманное въ исполненіе, словомъ, это жалкое *неумѣнье хотѣть*! Какъ-то въ концѣ 1832 года одинъ монахъ спросилъ старца: «почему мы не имѣемъ строгой жизни древнихъ подвижниковъ?» — «Потому», отвѣчалъ старецъ, что не имѣемъ *рѣшимости*; а благодать и помощь Божія къ вѣрнымъ и всѣмъ сердцемъ ищущимъ Господа и нынѣ та же, какая была и прежде, — и мы могли бы жить, какъ древніе отцы, ибо, по слову Божію, Іисусъ Христосъ «вчера и днесъ, той же и во вѣки!» Эти слова — печать всей жизни о. Серафима. Будемъ же чаще и усерднѣе просить благодатной помощи о. Серафима, чтобы онъ помогъ намъ искоренить въ себѣ эту постыдную душевную дряблость, это позорное безволіе, чтобы онъ, св. угодникъ Божій, удѣлилъ намъ, грѣшнымъ, хотя нѣчто отъ своего могучаго духа и научилъ насъ *рѣшимости, умѣнью хотѣть*, неукоснительно и успѣшно достигать добрыхъ и высокихъ цѣлей праведной жизни и полезной дѣятельности.

7. Таковая усиленная молитва къ о. Серафиму особенно необходима для васъ, какъ для будущихъ пастырей и учителей Церкви, будущихъ святелей на нивѣ Божіей. Вамъ будетъ принадлежать великое право учить свою паству, священнодѣйствовать для нея и управлять ею. Но первое, что вы должны будете дѣлать для паствы своей, это — учить ее. Обязанность эта и легка, повидимому, но страшно тяжела въ дѣйствительности, — тяжела именно тѣмъ, что пастырь первый долженъ исполнить все то, чему онъ учить, ибо только тотъ, кто «сотворить и научить, сей велій наречется въ царствіи небеснѣмъ»; въ противномъ же случаѣ слова наши будутъ совершенно

безрезультатно поражать воздухъ и разсѣваться въ немъ, и сами мы, съ своими краснорѣчивыми поученіями, будемъ, по Апостолу, «яко мѣдъ звенящая, или кимвалъ звяцаѣй!» Посему-то и о. Серафимъ выступилъ на подвигъ старчества и духовнаго руководства своихъ ближнихъ только уже на склонѣ дней своей жизни, предварительно самымъ дѣломъ исполнивши все то, чему онъ хотѣлъ научить приходившихъ къ нему. Потому-то и слово его дѣйствовало съ необычайною, поразительною силою. Припомнимъ по этому случаю золотыя его слова, сказанныя имъ о легкости учительства и о необычайной трудности—самому исполнять все то, чему учишь другихъ: «учить другихъ такъ же легко, какъ съ нашего собора бросать на землю камешки; а проходить дѣломъ то, чему учить,—все равно, какъ бы самому носить камешки на верхъ собора». Итакъ, потщитесь, друзья мои, подражать въ исполненіи долга учительства великому старцу Серафиму, который не только научалъ другихъ, но и самъ сначала выполнялъ въ точности всѣ свои нравственные уроки. Дай Богъ вамъ, при благодатной помощи о. Серафима, выполнить свято этотъ высокій долгъ церковнаго учительства и самимъ, въ назиданіе паствы вашей, исполнить всѣ правила христіанской нравственности. Потщитесь такъ вести себя предъ паствою своею, чтобы съ дерзновеніемъ говорить, съ Апостоломъ, къ духовнымъ чадамъ своимъ: «подобни мнѣ бывайте, яко же и азъ Христу!» — «Тако да просвѣтитесь свѣтъ вашъ предъ человеки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ!»

8. Результатомъ и наградою такой богоугодной дѣятельности вашей, несомнѣнно, будетъ лучшее и величайшее счастье, какое только возможно на землѣ—даже при самыхъ тяжкихъ физическихъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ, это—вѣчно радостное, восторженно-блаженное настроеніе духа, которое, какъ вамъ уже извѣстно, всегда было присуще великой душѣ блж. старца Серафима. При самомъ

страшномъ физическомъ утомленіи, при необычайныхъ трудахъ и болѣзняхъ отъ жесточайшихъ побоевъ, нанесенныхъ ему разбойниками, при постоянной болѣзни ногъ, никогда его не оставлявшей, онъ всегда оставался бодрымъ, энергичнымъ, жизнерадостнымъ, такъ что восторженно-блаженное настроеніе духа никогда его не оставляло. «Радость моя!»—вотъ обычный привѣтъ, которымъ онъ встрѣчалъ каждаго, приходившаго къ нему, кто бы онъ ни былъ. Кажется, блаж. старецъ Серафимъ болѣе всѣхъ людей принялъ къ сердцу извѣстное апостольское изреченіе: «всегда радуйтесь, непрестанно молитесь и о всемъ благодарите» (Солун. V, 7). Даже любимую свою келейную икону Пречистой Дѣвы Умиленія онъ называлъ сообразно съ своимъ восторженно-блаженнымъ настроеніемъ: «Всѣхъ радостей Радость»... Какъ поразительно-ничтожны, какъ удивительно-жалки сравнительно съ нимъ современные интеллигенты, которые, упившись мірской мудростью, не знаютъ, гдѣ «главу приклонити», какъ найти нравственную устойчивость и равновѣсіе, какъ отыскать душевный миръ и счастье на землѣ, во чтѣ вѣрить и чему отдаться всѣмъ сердцемъ и всѣмъ существомъ своимъ... Невольно припоминаются по этому случаю слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ нынѣшняго моднаго писателя А. П. Чехова (Dr. «Ивановъ»). Вотъ какъ аттестуетъ свою особу это дѣйствующее лицо:... «Нехорошій, жалкій и ничтожный я человѣкъ... какъ я себя презираю, Боже мой! какъ глубоко ненавижу я свой голосъ, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли... Утомился, не вѣрю, въ бездѣлки провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги... Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожить отъ страха предъ завтрашнимъ днемъ... Что же со мною?.. Въ какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мнѣ эта слабость? Чтѣ стало съ моими нервами?.. Я умираю отъ стыда при мысли, что я—здоровый, сильный человѣкъ обратился не то въ Гамлета, не то — въ Манфреда, не то — въ лишніе люди. Это возму-

щает мою гордость, стыд гнетет меня, и я страдаю. Прежде я много работал и много думал, но никогда не утомлялся; теперь же ничего не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом и душой. День и ночь болить моя совесть; я чувствую, что глубоко виноват, но в чем собственно моя вина, не понимаю. И если бы можно издваться над самим собою в 1000 раз сильнее и заставить хохотать весь свет, то это я бы сделал. Взглянуть я на себя в зеркало, и в моей совести точно ядро лопнуло. Я надсмехался над собою и от стыда едва не сошел с ума. Если неглупый, образованный и здоровый человек без всякой видимой причины стал петь Лазаря и покати в низ по наклонной плоскости, то он катит уже без удерж и нет ему спасения.. Надорвался я! В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже начал халать. С тяжелой головой, с ленивой душой, утомленный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень слоняюсь я между людей и не знаю, кто я, зачем живу и чего хочу? И мне уже кажется, что любовь—вздор, ласки притворны, что в труд нет смысла, что песни и горячие речи—пошлы и стары. И всюду я вношу с собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращение к жизни. Погиб безвозвратно!.. О, как возмущается во мне гордость, какое душит меня бешенство! Эка, как я уходил себя, раздавил своими ничтожными подвигами!.. Даже шатаюсь.. ослабел я!..»

Оканчивается этот герой весьма плачевно: он застреливается как раз пред свадьбой с любимшей его девушкой, которая хотела было возродить и исцелить любимого человека от его страшной душевной болезни. А вот пред нами и другой современный герой, но почти той же категории (заимств. из рассказа г-жи Крандиевской «Ничтожные»; помещено в журн. *Жизнь*, апр. 1901 г.): он кончил университет и теперь должен «делать практическую жизнь», но он не знает, как ее делать, и не может, и не хочет делать; ибо он больной, уста-

лѣй, ни во что не вѣрить, во всемъ сомнѣвается, и нѣтъ въ немъ никакихъ надеждъ свѣтлыхъ, никакихъ перспективъ... «Вѣдь мы», говоритъ онъ сестрѣ, «какіе-то гнилые, никчемные, ненужные... ничтожные неврастеники, нытики, самогрызы, дегенеранты, невѣрующіе, мятущіеся въ поискахъ «невѣдомаго Бога», блуждающіе въ потемкахъ противорѣчій, какъ въ лѣсу дремучемъ... И тяжело же намъ жить, ахъ, какъ тяжело!.. Говорятъ, у насъ Бога нѣтъ, идеаловъ нѣтъ, вѣры нѣтъ. А развѣ безъ Бога-то легко жить?.. Ну-ка, попробуйте!.. Вообще, я «порядочнымъ» человѣкомъ никогда не буду, служить не буду, дѣлать ничего не буду, потому отвратительно... понимаешь?.. Отвратительно торчать гдѣ-либо въ канцеляріи изъ-за того только, чтобы заработать на щи и на сапоги... Мерзко, постыло думать все о щахъ, да о сапогахъ, когда душа болитъ, когда нѣтъ главнаго, безъ чего жить нельзя... понимаешь? *Бога нѣтъ*, а о сапогахъ забота! И, наконецъ, надоѣли мнѣ, осточертѣли сапоги, будь они прожляты!..» А вотъ опять Чеховскій герой, знаменитый «Дядя Ваня» (въ драмѣ того же имени); подобно Чеховскому Иванову, онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:... «Днемъ и ночью, точно домовой, душитъ меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлаго нѣтъ, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нецѣлостности... Пропала жизнь! Я съ ума схожу... Въ хорошую погоду хорошо повѣситься... мнѣ 47 лѣтъ; если я, положимъ, проживу до 60-ти лѣтъ, то мнѣ остается еще 13. Долго! Какъ я проживу эти 13 лѣтъ? О, если бы можно было прожить остатокъ жизни какъ-нибудь по новому! Проснуться бы въ ясное, тихое утро и почувствовать, что жить ты началъ снова, что все прошлое забыто, разсѣялось, какъ дымъ... Начать новую жизнь... подскажи мнѣ, какъ начать, съ чего начать?» Но довольно этого ада, этихъ ужасныхъ «потемокъ души!» Какимъ райскимъ, сладкозвучнымъ пѣніемъ представляются намъ нехитрыя, повидимому, но полныя глубокаго смысла, благодатныя

рѣчи свято-почившаго старца Серафима Саровскаго, въ сопоставленіи съ вышеприведенными ужасными самобичеваніями современнаго интеллигента-пессимиста, во всемъ извѣрившагося, бесплодно блуждающаго въ поискахъ «невѣдомаго Бога»... «Что, матушка, ты съ сестрами-то завтракаешь, когда онѣ кушаютъ?» — такъ спрашивалъ блаж. старецъ одну игуменію. — «Нѣтъ, батюшка». — «Что жъ такъ, матушка? Нѣтъ, ты, радость моя, не хочется кушать, не кушай, а садись всегда за столъ съ ними: онѣ, знаешь, придуть усталыя, унылыя, а какъ увидятъ, что ты сама сѣла и ласкова, и возвеселятся, и покушаютъ-то болѣе съ великою радостью; вѣдь веселость-то — не грѣхъ, матушка, — она отгоняетъ усталость, а отъ усталости вѣдь уныніе бываетъ и хуже его нѣтъ: оно все приводитъ съ собою. Вотъ и я, какъ поступилъ въ монастырь-то, матушка, на клиросѣ то же былъ и какой веселый-то былъ, радость моя! Бывало, какъ не придутъ на клиросъ-то, братья устанутъ, ну, и уныніе нападетъ на нихъ и поютъ-то ужъ не такъ, а иные и вовсе не придуть... Всѣ соберутся, я и веселю ихъ, они и усталости не чувствуютъ: вѣдь дурное что говорить ли, дѣлать ли нехорошо и въ храмѣ Божиѣмъ не подобаетъ, а сказать слово ласковое, привѣтливое, да веселое, чтобы у всѣхъ предъ лицемъ Господа духъ всегда весель, а не уныль былъ, — вовсе не грѣшно, матушка!» О, если бы Господь Богъ, по молитвамъ старца Серафима, помогъ и намъ достигнуть въ жизни того блаженнаго, восторженно-радостнаго настроенія, которое всегда присуще было благодатной душѣ Саровскаго подвижника!

9. Но наша характеристика блаж. старца Серафима была бы недостаточна, и бесѣда наша не вполне бы достигла своей цѣли, если бы мы не обратили нашего особеннаго вниманія на отношеніе великаго подвижника къ его родителямъ и руководителямъ въ иноческой жизни. Отца своего блаж. подвижникъ, конечно, не могъ помнить, потому что лишился его въ 3-хъ лѣтнемъ возрастѣ; но

матери своей, благочестивой Агаѣи, онъ былъ обязанъ всѣмъ своимъ воспитаніемъ и добрымъ нравственнымъ направлениемъ. Она же одобрила его желаніе сдѣлаться инокомъ и благословила его большимъ мѣднымъ крестомъ, предъ выходомъ его изъ родительскаго дома на подвигъ иноческой жизни. Положительно можно сказать, что блаж. старецъ благоговѣлъ предъ памятью своей матери, а материнское благословеніе — большой мѣдный крестъ, какъ величайшая святыня, постоянно находился на немъ сверхъ всякой одежды. Этотъ же материнскій крестъ былъ на немъ и въ моментъ его блаженной кончины... Питая такое великое благоговѣніе къ памяти родителей своихъ, о. Серафимъ не терпѣлъ неуважительнаго отношенія къ родительской власти и со стороны своихъ посѣтителей: неоднократно случалось, что блаж. старецъ, безъ разговоровъ, закрывалъ рукою ротъ своимъ посѣтителямъ, приходившимъ къ нему жаловаться на *дурныхъ* своихъ родителей! — Съ такимъ же великимъ благоговѣніемъ пр. старецъ относился и къ памяти своихъ наставниковъ въ иноческой жизни: Пахомія, Исаіи, Іосифа и Марка. Онъ называлъ ихъ «огненными столпами отъ земли до неба». О. Серафимъ всегда требовалъ, чтобы посѣтители, прежде чѣмъ притти къ нему, сначала помолились на могилкахъ этихъ знаменитыхъ Саровскихъ подвижниковъ. Такъ однажды онъ далъ одной инокинѣ заповѣдь: «когда^а идешь ко мнѣ, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Онъ упокоилъ души рабовъ Своихъ: Исаіи, Пахомія, Іосифа и Марка — и потомъ припади ко гробу, говоря: «простите, отцы святые, и помолитесь обо мнѣ!»

«Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долголѣтнѣе будеши на земли»; эта святая, великая заповѣдь, всегда спасительная и полезная для молодыхъ людей, требуетъ постоянного и частаго повторенія особенно въ настоящее бурное, безпокойное, тяжелое время, когда колеблются вѣковые устои семейной, общественной, гражданской и государственной жизни, когда сынъ воз-

стаешь на отца, дочь на мать, низшій на высшаго, подчиненный на начальствующаго, воспитываемый на воспитателя, служащій на господина, неимущій на имущаго и т. д. Поучимся у пр. старца Серафима, какъ нужно намъ чтить родителей своихъ, съ какою нѣжностью и вниманіемъ относиться къ ихъ спокойствію и благополучію, съ какой ревностью исполнять свои обязанности, чтобы постоянно радовать родителей своими успѣхами! Не забывайте своихъ родителей: вѣдь вы для нихъ радость, утѣшеніе, счастье, жизнь! Вѣдь они для васъ собираютъ свои послѣднія крохи, отказываютъ себя, для вашего образованія и счастья, во всемъ необходимомъ, радуются вашими радостями, скорбятъ вашими печалами, проводятъ бессонныя ночи, безпокоясь душою и сердцемъ за вашу участь! Сами легко вы можете себя представить, что станетъ съ ними, если, сохрани Богъ, отъ какого-либо неосторожнаго шага разобьется ваша карьера, вся ваша будущность, а, быть можетъ, и самая жизнь. Подобно старцу Серафиму, дорожите материнскимъ благословеніемъ, какъ величайшею святынею: «кто родителей почитаетъ, тотъ во вѣкъ не погибаетъ»; «материна молитва со дна моря вынимаетъ» — такъ гласитъ наша вѣковая народная мудрость. Многіе изъ васъ, по окончаніи семинарскаго курса, несомнѣнно, пойдутъ въ высшія учебныя заведенія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія; сохрани васъ Богъ кичиться тогда предъ родителями вашими превосходствомъ своего образованія и большимъ количествомъ своихъ познаній: такое киченіе было бы прямо низко и преступно, а потому должно быть совершенно чуждо воспитанникамъ духовной школы.

Съ другой стороны, примѣръ препод. отца нашего Серафима долженъ показать намъ, съ какимъ уваженіемъ и любовью мы должны относиться къ нашимъ начальникамъ, наставникамъ и воспитателямъ. Многимъ изъ васъ, по окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или даже по окончаніи семинарскаго курса, придется самимъ сдѣлаться учителями и воспитателями молодыхъ по-

колѣній; тогда вы уже на самихъ себѣ испытаете всю трудность учительскаго служенія и поймете изъ собственнаго, личнаго опыта,—какое великое огорченіе причиняемъ мы нашимъ воспитателямъ и руководителямъ своей неисправностью и упорствомъ въ дурныхъ, безнравственныхъ привычкахъ.

10. Дорогіе друзья мои, обращайтесь съ молитвою къ пр. о. Серафиму, особенно въ критическіе моменты вашей жизни. Извѣстенъ такой случай, имѣвшій мѣсто въ С.-Петербургѣ, въ 1864 г. У нѣкоей госпожи Сабанѣвой заболѣлъ сынъ Дмитрій, а онъ какъ разъ долженъ былъ держать экзаменъ и перейти въ Горный Институтъ. Мать была въ горѣ и молилась о. Серафиму. Ночью видѣла она во снѣ старца, и онъ сказалъ ей: «сынъ твой выздоровѣетъ и испытаніе въ наукахъ выдержитъ». Въ лазаретѣ мать уже не нашла сына: онъ былъ на экзаменѣ. Вернувшись съ успѣхомъ и радостный, онъ разсказалъ ей, что и онъ видѣлъ во снѣ любимаго и чтимаго имъ о. Серафима, который сказалъ ему: «выздоровѣешь и испытаніе выдержишь». Сомнѣваться въ силѣ благодатной помощи о. Серафима отнюдь не должно, а тѣмъ болѣе не слѣдуетъ, при неудачахъ, впадать въ уныніе и отчаяніе. Одинъ монахъ Саровскій былъ вовлеченъ духомъ злобы именно въ такое страшное состояніе и въ эту минуту воскликнулъ: «батюшка Серафимъ, помоги мнѣ!» Тутъ же, въ своей кельѣ, онъ увидѣлъ тогда близъ иконъ угодника Божія, который, благословляя его, совсѣмъ какъ живой, сказалъ: «радость моя, я всегда съ тобою. Мужайся, не унывай, но воюй противъ врага діавола». Одной монахинѣ явился пр. Серафимъ въ тонкомъ снѣ и спросилъ: «что ты все плачешь?» — «Батюшка, я думаю, что я не спасусь!» — «Не думай сего, моя радость: *все ты спасутся, которые призываютъ имя мое!*» Изъ могилы дивнаго старца точно слышатся сказанныя имъ передъ кончиною слова: «когда меня не станетъ, вы ко мнѣ на гробикъ ходите! Какъ вамъ время, вы и идите, чѣмъ чаще, тѣмъ и лучше. Все,

что есть у васъ на душѣ, что бы ни случилось съ вами, о чемъ бы ни скорбѣли, придите ко мнѣ, да все свое горе съ собой-то и принесите на мой гробикъ! Припавъ къ землѣ, какъ живому все и расскажите, и услышу я васъ, вся скорбь ваша отлетитъ и пройдетъ! Какъ вы съ живымъ всегда говорили, такъ и тутъ! Для васъ я живой есть, буду и во вѣки!..» Многимъ изъ васъ предстоитъ служить въ качествѣ пастырей и учителей церковныхъ. Не забывайте въ вашихъ іерейскихъ молитвахъ предъ престоломъ Всевышняго своихъ бывшихъ начальниковъ, воспитателей и наставниковъ, которые всегда неукоснительно глашали вамъ слово истины за время вашего обученія въ семинаріи. Молитесь тогда пр. отцу нашему Серафиму Саровскому, чтобы Господь, по ходатайству св. Угодника Своего, помогъ вашимъ бывшимъ наставникамъ съ успѣхомъ проходить многотрудное поприще учительскаго званія и подготовленія молодыхъ людей къ священному служенію.

Преподаватель Рязанской дух. семинаріи
Александръ Сабчаковъ.